

Глеб Иванович Успенский

Квитанция

Глеб Иванович Успенский
Квитанция
Серия «Живые цифры», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665825*

Аннотация

«...В этом очерке ... Успенский, уже на материалах городской статистики, показывает еще одну «человеко-дробь» капиталистического строя – трудящуюся женщину-мать, не имеющую возможности создать нормальную семейную жизнь, иметь и воспитывать собственных детей. Проблема материнства в среде пролетариев, судьба подкидышей и детей, отданных в воспитательные дома с их катастрофической смертностью, останавливала внимание Успенского еще с конца 70-х годов...»

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Глеб Иванович Успенский

Квитанция

1

Эпизодик с этой капельной цифрой случился со мною в то время, когда я только что предался изучению статистики, был, так сказать, в самой первой поре увлечения, и поэтому, я надеюсь, читатель извинит мне, если доводы, вследствие которых во мне родилось побуждение во что бы то ни стало видеть своими глазами упомянутую микроскопическую цифру, покажутся ему лишенными точных научных оснований и почти не логическими. Невольные ошибки начинающего должны быть извиняемы, и в надежде на это я расскажу процесс моего мышления в данном деле без всякой утайки: дело в том, что, начитавшись местных данных, я без перерыва принялся за материалы, собранные столичными статистиками, и здесь, в отделе браков, прироста, рождаемости и смертности населения, я натолкнулся на цифру, которая мне (по неопытности) показалась совершенно необъяснимой: оказывается, что в Петербурге ежемесячно нарождается до 700 детей, у которых нет ни отцов, ни матерей. В графе «отцы» стоит 0, в графе «матери» – тоже 0, а в итоге написано: *итого 700 штук человек.*

Научный метод мышления настолько еще не овладел мною и моими соображениями, что я решительно не мог оставить в покое этих нулей, из которых выходят целые «люди», и при помощи, откровенно сознаюсь, весьма первобытных вычислений, цель которых была доказать себе, что из двух нулей не может произойти ребенок и что для появления его на свет необходимы хотя какие-нибудь отце- и матереобразные дроби, я, при помощи сложения и деления, вычислил, что на каждого из 700 человек детей в среднем выводе приходится не 0 и 0, а (принимая во внимание всю сумму единиц, составляющих то, что называется «обществом») все-таки некоторая дробь отцовского и материнского элемента. Естественно, во мне родилось желание разыскать то существо въяве и вживе, которое может уделить на выполнение материнского дела только одну сотую часть (таково было мое вычисление) своего существования. И где же остальные девяносто девять частей человека, матери, женщины?

Нисколько не защищаясь против могущих быть упреков со стороны читателей в недостатках сделанных мною вычислений, я должен сказать, однако, что лично во мне эти вычисления выразились в весьма определенном и решительном поступке. В первый же приезд мой в Петербург я, под влиянием всевозможных соображений, которых теперь не могу даже припомнить хорошенько, прямо с вокзала велел извозчику ехать в воспитательный дом; может быть, отчасти причиною этого было и то обстоятельство, что наш деревенский

поезд приходил раньше всех других поездов, когда над Петербургом лежит еще тьма зимней ночи, когда весь Петербург спит, и когда только что начинают открываться булочные, и вообще когда негде приткнуться, чтоб напиться чаю или же не к кому заехать, чтобы не разбудить утомленного петербуржца и не побеспокоить его. Как бы то ни было, но я думаю – перевес в моих поступках брало не столько нежелание беспокоить моих знакомых, сколько опять-таки увлечение многосодержательностью статистических цифр, овладевших в последнее время всем моим вниманием. Полагаю, что последнее влияние было во мне преобладающим, и говорю это на том основании, что сторож, к которому меня подвез извозчик и который стоял около того места воспитательного дома, где идет «продажа карт», долгое время слушал мои вопросы и разглагольствия как бы в каком-то недоумении и, наконец, повидимому, сам заразился моей статистической терминологией. Как бы в подражание моему специально-статистическому языку, он стал разговаривать со мною тоже каким-то странным и также как бы научным языком.

– Рождаемость? – в недоумении проговорил он, как бы приходя в себя от моих многосложных вопросов. – Рождаемость... это с Мойки вам надо заехать... Придется объезжать по Невскому и оттуда, от мосту, по левой руке... Там идет эта самая... например, рождаемая приноска. Из тех ворот с уткой и утятами... Туда бабы волокут свое нарождение,

с Мойки. А в наши ворота идет уже выпуск – кое в деревню, а кое на гигиен-станцию.

– Какая же это гигиен-станция?

– А Преображенка!.. Как же? Как пойдете по Гончарной, и будет улица в конце, к Казачьему плацу, – и тут сейчас на левой руке гигиен-станец. Для очистки воздуха. Вентиляция. Потому Петербург – не деревня... Там, дай бог, в год два-три покойника, а ведь в Петербурге кажинный божий день народу намрет, как снегу в подворотни навьет. Одного нашего брата мужика, мастерового, навалит в сутки тьма-тьмушая. Держать мертвечины долго не годится – вот ее из всех мест – из больниц из всяких – прямо на гигиен-станец, а там в вагон, а там на Преображенку, за город! Гигиен называется все одно, как очистка. Для воздуха. Кабы полиция не делала у нас хорошую гигиену, у нас бы в воспитательном мерло не так, а теперь всё не шибко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.